

ПРИКЛАДНАЯ ПРАГМАТИКА И ЕЕ ПРИНЦИПЫ

Историю изучения прагматики целесообразно рассматривать, обратившись первоначально к словарным определениям этого явления. Словарные дефиниции дают при этом возможность оценить не столько содержание термина „прагматика”, сколько определить магистральные подходы в этом достаточно широком и многоаспектном направлении современного языкознания. Это связано с тем, что любое терминологическое толкование явления обусловлено практическими работами в соответствующей области науки.

О.С. Ахманова дает следующее определение лингвистического термина: „Один из планов или аспектов языка, выделяющий и исследующий единицы языка в их отношении к тому лицу или лицам, которые пользуются языком” [Ахманова, 1969, 344]. Из этого, по нашему мнению, недостаточно корректного в смысловом отношении толкования следует, что предметом прагматики, как лингвистической дисциплины, является научное познание, скорее, некоего лица посредством его „речевого портрета”, нежели социально и т.п. детерминированной функциональности определенных элементов языковой системы.

В другом справочном издании прагматика определяется как „языковедческая дисциплина, которая изучает воздействие языковых знаков и текстов на лиц, пользующихся языком” [GFw, 1980, 606]. Пожалуй, это определение значительно содержательнее и ближе к истинному смыслу прагматики, хотя и находится под влиянием некогда весьма популярной теории „лингвистической относительности” С.Пул и др. В нем можно усмотреть смешение (скорее даже — отождествление) понятий общей семиотики с понятиями языковой системы.

Несколько иначе интерпретируется понимание прагматики в „Кратком справочнике современного русского языка”: „Слово характеризуется... также прагматикой (от греч. 'дело, действие') — закрепленным в слове отношением говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату” [КС, 1991, 49]. Здесь при всей концентрации практически всех возможных направлений реализации коммуникативных потенций языковой системы (не только слова) ощущается наибольшая отдаленность понятия прагматики от первичного значения термина, введенного в научный обиход Ч.Моррисом [Morris, 1971]. Однако при кажущейся парадоксальности толкования термина „прагматика слова” следует признать его определенную рациональность, хотя и в несколько ином отношении. К этой проблеме весьма своеобразно подходит С.В. Воронин [Воронин, 1993]. Понимая фоносемантику как один из самостоятельных разделов

этимологии, он разрабатывает и представляет операциональную методику звуко-символизма [Воронин, 1997], которая вполне может быть использована в виде частного прикладного аспекта лингвистической прагматики.

Достаточно последовательно и полно лингвистическая прагматика как научное направление представлена в энциклопедической статье Н.Д. Арутюновой [БЭСЯ, 389-390]. Надо заметить, что она в значительной мере перекликается с содержанием вступительной статьи Н.Д. Арутюновой и Е.В. Падучевой к сборнику „Лингвистическая прагматика“ [Арутюнова, Падучева, 1985, 3-42]. Прагматика определяется как „область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи“ [БЭСЯ, 389].

История прагматики восходит к концу 30-х годов XX века, когда Ч. Моррис определил этим термином один из разделов семиотики, занимающийся исследованием отношений к знакам говорящих [БЭСЯ, 389]. Хотя, если быть точнее, в оригинальной работе этот раздел изначально определялся как учение об отношении знаков к их интерпретаторам, то есть к тем, кто пользуется знаковыми системами. Она изучает поведение знаков в реальных процессах коммуникации. „Поскольку интерпретаторами большинства (а может быть, и всех) знаков являются живые организмы, достаточной характеристикой прагматики было бы указание на то, что она имеет дело с биотическими аспектами семиозиса, иначе говоря, со всеми психологическими, биологическими и социологическими явлениями, которые наблюдаются при функционировании знаков“ [Моррис, 1983, 63]. Эта мысль была продолжена Р.С. Столнейкером, утверждавшим, что „прагматика — это наука, изучающая язык в его отношении к тем, кто его использует“ [Столнейкер, 1985, 419].

Формирование прагматики как лингвистической дисциплины началось лишь в 60-х — начале 70-х годов. Полагается, что более точной точкой отсчета является 1970 год — время проведения Международного симпозиума по прагматике естественных языков. Значительную роль здесь сыграла логико-философская теория речевых актов Дж. Остина, Дж. Серля, З. Вендлера, прагматическая теория значения П. Грайса, прагматическая теория Л. Линского, П. Стросона. Видимо поэтому, в силу широты теоретического базиса, лингвистическая прагматика не имеет четких контуров. В нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения.

Весь этот комплекс все же достаточно стройно может быть структурирован в отношении частных направлений.

В связи с субъектом речи принято изучать: 1) явные и скрытые цели высказывания („иллокутивные силы“ по Остину) — сообщение информации или мнения, вопрос, приказ, просьба, совет, обещание, извинение, признание, жалоба и др.; 2) речевую тактику и типы речевого поведения; 3)

правила разговора, подчиняющиеся „принципу сотрудничества”, который рекомендует строить речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора: адекватно нормировать сообщаемую информацию (максима количества), сообщать только истинную информацию и обоснованные оценки (максима качества), делать сообщение релевантным относительно темы разговора (максима отношения), строить речь последовательно и ясно, исключая двусмысленность (максимы манеры речи) (конверсационные максимы или правила Грайса); 4) установку говорящего, или прагматическое значение высказывания: косвенные смыслы высказывания, намеки, иносказание, обиняки и др.; 5) референцию говорящего, то есть отнесение языковых выражений к предметам действительности, вытекающее из намерений говорящего; 6) прагматические пресуппозиции: оценка говорящим общего фона знаний, конкретной информированности, интересов, мнений и взглядов, психологического состояния, особенностей характера и способности понимания адресата; 7) отношение говорящего к тому, что он сообщает: а) оценка содержания высказывания (его истинность или ложность, ирония, многозначительность, несерьезность и др.), б) введение в фокус интереса одного из тех лиц, о которых говорящий ведет речь, или *эмпатия*, в) организация высказывания в соответствии с тем, чему в сообщении придастся наибольшее значение.

В связи с адресатом речи изучаются: 1) интерпретация речи, в том числе правила вывода косвенных и скрытых смыслов из прямого значения высказывания, которые учитывают контекст, прагматическая ситуация, пресуппозиции и цели сознательного отступления говорящего от принятых максим общения (нарушение принципа релевантности, сообщение очевидных адресату вещей и пр.); 2) воздействие высказывания на адресата (перлокутивный эффект); расширение информированности адресата; изменение в эмоциональном состоянии, взглядах и оценках адресата; влияние на совершаемые им действия; эстетический эффект и др.; 3) типы речевого реагирования на полученный стимул (прямые и косвенные реакции, например, способы уклонения от прямого ответа на вопрос).

В связи с отношениями между участниками коммуникации изучаются: 1) формы речевого общения (информативный диалог, дружеская беседа, спор, ссора и др.); 2) социально-этикетная сторона речи (формы обращения, стиль общения); 3) соотношение между участниками коммуникации в тех или иных речевых актах (просьба, приказ и т. п.).

В связи с ситуацией общения рассматриваются: 1) интерпретация прагматических знаков („здесь”, „сейчас”, „этот” и др.), а также индексальных компонентов в значении слов (ср. указание на пространственную ориентацию в глаголах типа „приходить”, „подходить” и т. п.); 2) влияние речевой ситуации на тематику и формы коммуникации (ср. типичные темы и формы разговоров в гостях, на банкетах, в больницах и др.) [БЭСЯ, 390].

Общему обзору развития прагматики с поиском ее границ и содержания посвящена специальная статья Т.В. Бульгиной. Автор отмечает, что „многие аспекты той предметной области, которую охватывает термин „прагматика”, вводятся в круг лингвистических интересов отнюдь не впервые. В частности, многое из того, что сейчас мыслится как относящееся к прагматике, фигурировало под названием „риторика” уже в греческой и римской науке” [Бульгина, 1981, 333]. Это положение вполне обосновано тем, что, по собственному замечанию Т.В. Бульгиной, прагматический аспект не может быть ни отделен от собственно лингвистики, ни отложен до лучших времен, ни добавлен в качестве некоторого нового компонента: „прагматика — это далеко не аспект лингвистического исследования, это самая его сущность” [Бульгина, 1981, 333].

Довольно интересным представляется заключительное замечание Т.В. Бульгиной о том, что наиболее существенным для определения границ прагматики уместно считать различие между арбитraryм (конвенциональным) и естественным (неконвенциональным), поскольку эта дихотомия представляет фундаментальный интерес для грамматики в широком смысле — так как грамматика занимается конвенциональными аспектами языкового употребления. Все, что неконвенционально, может представлять интерес для исследователя языка, но оно не должно отражаться в описании языка (лингвистическом), поскольку язык — конвенциональная знаковая система. Изучение различного рода „импликатур” описывает способности людей, пользующихся языком, и может быть отнесено к „прагматике. „Следовательно, когда лингвист сталкивается с тем, что некоторое конкретное языковое выражение передает в некотором конкретном случае то или иное конкретное сообщение, он должен решить, передается ли данная часть информации конвенциональным или неконвенциональным способом” [Бульгина, 1981, 339]. Здесь же автор признает, что мы не располагаем пока такой (семантической и прагматической) теорией, которая позволяла бы в любом случае дать однозначный ответ на этот вопрос.

Краткий экскурс в тридцатилетнюю историю прагматики показывает, что эта лингвистическая дисциплина, развивающаяся на базе целого комплекса научных направлений, проявляется в виде частных исследований, с различной полнотой охватывающих самые разнообразные факты функционирования языковых единиц в речевой последовательности различной протяженности. При этом исследования неизбежно сопрягают явления языка с внеязыковыми. Это наблюдение свидетельствует о том, что в „организме” прагматики происходит накопление базы данных, которая требует обязательной обработки, позволившей бы детализировать основные научные принципы и обобщить аппарат исследовательской методики.

Для решения поставленной задачи следует обратиться к оценке содержания конкретных подходов в изучении явлений, включаемых в сферу

лингвистической прагматики. Думается, что эта проблема может быть оптимально разрешена на основе разграничения двух принципиально различающихся по своей установке направлений прагматики — описательной (теоретической) и прикладной (нормативной). Возможность подобного разграничения определяется наличием отдельных работ, прямо или косвенно затрагивающих этот научный аспект.

Теоретический обзор специальной литературы, посвященной отдельным аспектам прагматики, показывает, что это направление, чаще всего причисляемое непосредственно к системе лингвистических дисциплин, имеет свой самостоятельный статус. Именно он определяет положение прагматики как науки на стыке когнитивистики и языкознания. Прагматика, пользуясь эмпирическими и теоретическими данными двух указанных направлений, преломляет их, руководствуясь спецификой изучаемого объекта. Этот объект может быть определен как изучение предпосылок, условий и результата речевой реализации языковых средств, направленной на адекватное отображение в коммуникативном акте состояний и отношений реальной (в ряде случаев ментальной или виртуальной) действительности.

Процессуальная характеристика объекта прагматики побуждает к более-менее детальному рассмотрению ее структуры. В этом отношении прагматика едва ли отличается от иных научных направлений гуманитарного цикла. В силу этого в ней может быть выделена *общая* прагматика, *частные* и *специальные* направления.

Общая прагматика может быть определена как теоретическая дисциплина, компетенцией которой является разработка положений, принципов и аналитической методик исследования языковой коммуникации без учета определенной лингвистической системы. Поэтому общая прагматика может иметь непосредственное пересечение с философией языка, общей теорией коммуникации, общим языкознанием, нейрофизиологией, психологией и т.п.

Частные направления, представляя эмпирический материал для общей прагматики и, в свою очередь, используя ее теоретические постулаты, включают в сферу своего исследования коммуникацию в условиях одной конкретной языковой системы либо системы близкородственных языков и языковых семей. Лингвистический базис частных направлений образуют определенные языки. Особенность частных направлений прагматики заключается в теоретическом обобщении картины реальной коммуникации и выработке общих норм языкового общения с учетом лингвистических компонентов и всей совокупности прагматических факторов смыслового и фонового порядка.

Специальные прагматические направления могут рассматривать отдельные виды способов коммуникации в рамках единой лингвистической системы (прагматика устной и письменной публицистики, прагматика художественного текста и пр.). Основная задача специальной прагматики

должна заключаться в ее *нормативном* характере, в выработке конкретных рекомендаций, способствующих оптимизации специальной коммуникации с учетом лингвистического состояния языковой системы и тенденций ее развития.

Именно специальные прагматические направления могут послужить непосредственной основой для становления *прикладной прагматики*, систематизирующей нормативные рекомендации и реализующей их в процессе формирования *лингвистической экологии*. Предметом прикладной прагматики может являться описание прагматической специализации грамматических явлений языка и отдельных грамматических классов слов, оптимальных прагматических характеристик высказывания, прагматической структуры и правил построения различных типов текста, прагматических характеристик дискурса. Последний аспект, как нам представляется, „закрывает” цепь „от общей прагматики — к общей прагматике”.

Определяя место прикладной прагматики как относительно самостоятельного научного направления в системе лингвистических дисциплин, попытаемся дать общую оценку современной лингвистики. Для этого обратимся к довольно пространному рассуждению М.Пешё. В 1975 году [Pêcheux, 1975] писал: „Мы намерены... поставить под сомнение *основополагающие, прописные истины* „семантики”, пытаясь, по мере средств, которыми мы располагаем, выработать фундамент материалистической теории семантики.

Наша отправная точка — двойственна. Мы собираемся показать:

1° что *семантика*, представляемая [...] — наряду с фонологией, морфологией и синтаксисом — в качестве одного из „разделов лингвистики”, на самом деле является для *лингвистики* узловым пунктом противоречий. Эти противоречия пронизывают и формируют лингвистику в виде тенденций, направлений, лингвистических „школ” и т.д., которые одновременно и *обнаруживают* их, и *скрывают* (и стараются устранить);

2° что если семантика является для лингвистики таким узловым пунктом, то это потому, что именно в этом пункте лингвистика, чаще всего того не признавая, имеет дело с *философией* (и, как мы увидим, с *наукой о социальных формациях*, или *историческим материализмом*).

Таким образом, мы будем вынуждены поставить лицом к лицу лингвистику и философию, говорить о лингвистике в философии и о философии в лингвистике. Это предполагает отступление, позволяющее лингвистам и философам, к которым мы обращаемся здесь в первую очередь, привыкнуть к нашей манере говорить о философии и о лингвистике, более того, привыкнуть друг к другу — через нашу манеру говорить с ними.

Чтобы разъяснить условия, предмет и цели этого отступления, необходимо вкратце охарактеризовать современное состояние лингвистики. Не входя в детали, бесполезные для неспециалиста, можно с полным ос-

нованием выделить три главные тенденции, которые то сочетаются, то противостоят, то подчиняются друг другу:

- Формалистско-логическая тенденция, сложившаяся главным образом в хомскианской школе, как критическое развитие лингвистического структурализма в „генеративных” теориях. Эта тенденция искала себе философское обоснование в работах школы Пор-Рояля...

- Историческая тенденция, формировавшаяся с XIX века в качестве „исторической лингвистики” (Ф.Брюно, А.Мейе). Эта тенденция привела сегодня к теориям вариативности и лингвистической изменчивости (гео-, этно-, социолингвистика).

- Наконец, последняя тенденция, которую можно было бы назвать „лингвистикой речи” (или „акта производства высказывания” („enunciation”), „языкового употребления”, „речевого сообщения”, „текста”, „дискурса” и т.д.). Здесь вновь активизируются некоторые идеи риторики и поэтики сквозь призму критики о лингвистическом примате коммуникации. Эта тенденция выходит на лингвистику стиля как отклонения, нарушения, разрыва и т.д., а также на лингвистику диалога как „игры столкновений” [Пешё, 1999, 225-226].

Столь широкое представление тенденций в развитии лингвистики и узловых точек пересечения семантики с учением о языке и философией мы полагаем, что здесь, скорее, следовало бы говорить не столько о философии вообще, сколько о когнитивистике; по крайней мере, это было бы справедливо применительно к отечественной лингвистической традиции), показывает, особенно на примере последнего направления, что лингвистическая прагматика, как в теоретическом отношении, так и в прикладном аспекте, занимает собственную нишу в гносеологической картине.

Однако при этом следует иметь в виду, что, если в теории прагматики уже имеются существенные наработки, в прикладных направлениях сделать предстоит еще достаточно много. И в первую очередь следовало бы избавиться от полного отождествления функционального описания языка и лингвистической прагматики. Желательно использовать при этом лингвистическую терминологию применительно к языковым категориям, а прагматическую, становление которой еще далеко от завершения, по ее прямому назначению.

Определяясь в принципах прикладной прагматики, можно предложить эмпирическое исследование с движением от выявления специализации отдельных средств конкретной языковой системы, выступающих „индикаторами” прагматического содержания потенциального высказывания (определяемого по характеру реальных). При этом в поле зрения исследователя могут оказаться морфологические классы слов, обладающие выраженным прагматическим содержанием (междометия, модальные частицы), некоторые средства словообразовательной системы. Далее изу-

чение прагматических характеристик языковой системы может быть перенесено на уровень синтаксиса предложения, затем на текст и далее на исследование дискурса в понимании Т.А.ван Дейка, Ю.С. Степанова и представителей западной европейской школы.

Именно такой концепции и последовательности мы намерены придерживаться далее в планируемом прикладном прагматическом описании системы современного русского языка литературного языка. При этом мы исходим из гипотезы о том, что прагматическое содержание (этим термином мы предлагаем заменить трактовку понятия неверным сочетанием „прагматическое значение“) отдельных средств системы языка в рамках коммуникативного акта (речевого общения) эксплицируются непосредственно, без взаимодействия с прагматическим содержанием иных языковых средств, т.е. прагматические характеристики языка не вступают друг с другом в отношения дополнительности, контрадиктарности и пр.

Важно в прагматических изысканиях прикладного характера соблюдать некоторые принципы. Первым среди них должен быть указан принцип эмпиричности и объективности. Его смысл заключается в категоричном отказе от использования конструкторов и оперировании только реальными языковыми фактами. Следующий может быть сформулирован как принцип экспланаторности. Он призван направлять исследователя в русло объяснения фиксируемых фактов. Предпосылкой его успешной реализации может выступать принцип достоверности и разумного количества фиксаций факта. Его положения могут быть выведены из представлений социологической статистики. Важным представляется и соблюдение принципа вариативности явления.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева.— 2-е изд.— М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.— С.389-390.
2. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике.— Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / Общ.ред. Е.В. Падучевой.— М.: Прогресс, 1985.— С.3-42.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.— М.: Сов. энциклопедия, 1969.— 608 с.
4. БЭСЯ - Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н. Ярцева.— 2-е изд.— М.: Большая Российская энциклопедия, 1998.— 658 с.
5. Булыгина Т.В. О границах и содержании прагматики // Изв. АН СССР, Серия литературы и языка.— Т.40.— №4.— 1981.— С.333-342
6. Воронин С.В. На путях к проблеме „фоносемантика и прагматика“ // Фоносемантика и прагматика: Тез. докл. Всероссийск. конф. / Отв.ред. Ю.А. Сорокин.— М., 1993.— С.33-34.
7. Воронин С.В. Фоносемантика и этимология // Диахроническая германистика: Межвузовский сборник / Под ред. Л.П. Чахоян.— СПб: Изд-во С-Петербургского ун-та, 1997.— С 131-177.
8. КС - Краткий справочник по современному русскому языку /Л.Л. Касаткин, Е.В.Клобуков, П.А.Лекант; Под ред. П.А.Леканта.— М.: Высш.шк., 1991.— 383 с.
9. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика.— М.: Прогресс, 1983.

10. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / Общ. ред. и вступ. ст. П. Серю; предисл. Ю.С. Степанова. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. — 416 с.
11. Столнейкер Р.С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVI: Лингвистическая прагматика / Общ. ред. Е.В. Падучевой. — М.: Прогресс, 1985. — С. 419-438.
12. GfW. — Großes Fremdwörterbuch / Leitf. Ruth Kufner. — Leipzig: Bibliographisches Institut, 1980. — 824 S.
13. Pêcheux M. Les Verites de La Palice. — Linguistique, semantique, philosophie. — Paris: Maspero, 1975.

В.С. ПУГАЧ
г. Белгород

ПРАГМАТИКА ГЛАГОЛОВ УМСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УКЛОНЧИВЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Известно, что понятие речевого акта было введено в лингвистику представителями Оксфордской школы (Д. Остин, Д. Серль, П.Ф. Стросон) в 60-е годы XX в. и, получив дальнейшую разработку в трудах их последователей как за рубежом, так и в бывшем СССР, легло в основу изучения речевых актов как одного из вариантов теории речевой деятельности. При всех сильных и слабых сторонах теории речевых актов это понятие оказалось весьма плодотворным при исследовании многих проблем речевого общения, в том числе проблемы типов речевых реагирований на полученный стимул (см. критический анализ теории речевых актов [Кобозева, 1986, 7-21]).

Разные типы речевых актов отличаются определенным набором параметров. Дж. Серль выделяет двенадцать различных признаков речевого акта [Серль, 1986, 171-177], среди которых основным является иллокутивная цель — коммуникативный замысел говорящего оказать определенное воздействие на адресата и вызвать соответствующее этому замыслу изменение в его действиях, мыслях, чувствах. Двумя другими важными прагматическими компонентами в структуре речевого акта, по Дж. Серлю, являются направление приспособления между словами и миром (от слов к миру (наоборот) и выраженное психологическое состояние говорящего. Немаловажное значение имеют также такие параметры как иллокутивная сила, интересы говорящего и слушающего, их фоновые знания, взаимоотношения, соотносённость речевого акта с остальной частью дискурса и другие. На основе выделенных различий им была разработана таксономия речевых актов, представленная пятью основными типами: репрезентативами, директивами, коммиссивами, экспрессивами и декларациями [Серль, 1986, 180-188]. Отметим, что впоследствии данная классификация речевых актов неоднократно подвергалась поправкам и уточнениям. Так, В.Г. Гак, принимая в целом, отнес четыре из выделенных Дж. Серлем типов (кроме экспрессивов) к так называемым информативным речевым актам и дополнил ее